

...[illegible] сия
...алексеевне
Ожеров...
Куплена 1795 года ноября
7 дня цена 15 копеек

РАЗСУЖДЕНІЕ
Господина Геллерта
О ТОМЪ, ДЛЯ ЧЕГО ВРЕДНО ЗНАТЬ О БУДУЩЕЙ СВОЕЙ СУДЬБИНѢ.

Переведено съ Нѣмецкаго языка

Модестомъ Окуловымъ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи
у Н. Новикова.
1787.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ книжку подъ заглавіемъ: Разсужденіе Господина Геллерта о томъ, для чего вредно знать о будущей своей судьбинѣ, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

Нѣтъ ничего, кажется легче, какъ въ томъ быть увѣрену, что худыя произошлибъ слѣдствія, когдабъ узнали мы напередъ о будущемъ нашемъ жребіи; однакожъ непоколебимо то въ насъ желаніе, чтобъ предвидѣть будущее, и большая часть людей почитаетъ оное для себя пріятнѣйшимъ. Самые тѣ, которые поутру твердо вѣрятъ, что сіе есть Божіе благодѣяніе, то есть, закрытіе отъ насъ грядущихъ счастливыхъ и несчастливыхъ случаевъ, по вечеру охотно желаютъ, чтобъ завѣса, которая препятствуетъ глазамъ нашимъ зрѣть будущее, была разторжена. Нѣтъ сомнѣнія, что самолюбіе производитъ сіе желаніе; а гордость и скупость подкрѣпляетъ оное; при всемъ томъ, я не понимаю, для чего бы выгоднѣйшія побужденія не могли препобѣдить въ насъ сего необузданнаго желанія. Сильная страсть быть счастливымъ, есть главная часть нашей природы; а желаніе другихъ дѣ-

лать счастливыми, есть благородное удовольствіе честнаго человѣка. Но то, и другое легко можетъ насъ привести къ возжеланію, чтобъ будущую узнать судьбину.

Я разумѣю подъ именемъ судьбины всякаго человѣка полезныя и вредныя произшествія. Естьли бы мы ихъ предвидѣли, то должно бы намъ предвидѣть или нѣкоторыя части, или цѣлую связь оныхъ. Частьми называю я то, естьли я, напримѣръ, знаю, что я больше буду боленъ въ моей жизни, нежели здоровъ, что я великое пріобрѣту богатство, и послѣ оное потеряю, незная совсѣмъ причины сего нещастія; предузнать же всю связь своей судьбины, называется, узнать всѣ обстоятельства и всѣ послѣдствія, изъ которыхъ жизнь наша составлена, то есть счастливыхъ и нещастливыхъ случайностей. По чему, что касается до любви у супружества, не только должно знать, что я нѣкогда женюся; но также и предвидѣть при какихъ обстоятельствахъ и въ которое время сіе можетъ случиться; будетъ ли моя супруга собой хороша или безобразна, богата или убога, добраго или худаго нрава, много ли лѣтъ или мало проживетъ

живетъ она со мною въ супружествѣ. Сіе совершенное знаніе своей судьбины, естьлибъ то возможно было, страшныя бы по себѣ оставило бѣдствія, какъ въ последствіи показано будетъ. Первый способъ кажется самымъ легкимъ и безопаснымъ; однако онъ мало для насъ полезенъ, и болѣе возбуждаетъ наше любопытство, нежели успокояетъ оное. Ибо знать нѣчто, и знать не все, есть тожъ самое, какъ жаждущему быть приведену къ изсохшему кладезю. Я буду въ мой вѣкъ богатъ и знатенъ: изрядно! это для меня пріятно; но когда то со мной будетъ? Какимъ образомъ? При концѣ ли моей жизни, или за долго прежде? Коль долго продолжится мое счастіе, и кто его у меня похититъ, смерть, или людская злоба? Будутъ ли сіи хищники изъ числа моихъ друзей, или непріятелей; съ намѣреніемъ ли они то, или безъ умысла сдѣлаютъ? Тысяча мнѣ представится такихъ вопросовъ, ежели я буду знать нѣкоторую часть о предбудущей своей судьбинѣ, и сколь много меня обезпокоятъ такіе вопросы, когда я желая на нихъ отвѣтствовать не имѣю къ тому возможности. Сіе знаніе, вмѣсто, чтобъ удовольствовать мое желаніе,

 только

только гораздо сильнѣе его возбудить можетъ; ибо любопытство имѣетъ въ себѣ свойства всѣхъ прочихъ страстей, и какъ скупость чрезъ умноженіе богатствъ, а честолюбіе умноженіемъ славы не уничтожается, но болѣе возрастаетъ; такъ и желаніе узнать о своей судьбинѣ не довольно бываетъ краткимъ извѣстіемъ, но пламеннѣе отъ того дѣлается. А кто хочетъ сіе дознать опытомъ, тотъ можетъ оной сыскать въ своемъ сердцѣ, въ которомъ все произходящее, малое приложа стараніе, легко уразумѣетъ. Кто не можетъ чувствовать въ себѣ оной истинны, тотъ менѣе можетъ выразумѣть оную въ доказательствѣ. Правда, иной можетъ быть скажетъ, что для меня не довольно, естьли я знать буду такимъ образомъ; но хотя нѣсколько, да знать буду. Я предузнаю, что буду знатенъ, ученъ, богатъ и доживу до старости. Непріятно ли сіе ожиданіе, и не лучше ли имѣть хотя малѣйшую достовѣрность о пріятности ожидаемаго состоянія, нежели никакой? Притомъ же я желаю предвидѣть одни только счастливые, а непротивные случаи. Сіе въ мысляхъ представить не трудно, а самымъ дѣломъ исполнить, можетъ быть

не такъ легко. Ибо ежели бы и можно было пріобрѣсть знаніе о будущихъ своей жизни счастливыхъ обстоятельствахъ безъ присоединенія къ онымъ нещастливыхъ; однако бы и тутъ опасаться надлежало, что большая часть людей, увеселяя себя будущимъ благополучіемъ, ничего не испытали, кромѣ настоящихъ злополучій. Разсмотримъ сіе яснѣе. Ежели мы будемъ себѣ счастіе представлять такъ, какъ исполненіе своихъ желаній; то большее изъ насъ число найдется нещастливыми. Когдабъ симъ образомъ надлежало намъ предвидѣть нашу судьбину; тобъ мы въ разсужденіи расположенія въ нашихъ предначинаніяхъ или очень мало пребыли, или совсѣмъ противное нашимъ желаніямъ, и по тому никакагобъ не усмотрѣли счастія по своей мысли. То можно назвать счастіемъ, естьли во время своей жизни честнымъ трудомъ достаточное снискиваешь себѣ пропитаніе. Когда бы многимъ изъ насъ дано было чрезъ вышнюю силу краткое жизни начертаніе, которое бы было помянутаго содержанія, то какоебъ получили утѣшеніе тщеславные, скупые, любострастные, естьлибъ они о всемъ напередъ вѣдали? Конечно бы никто изъ нихъ полученное счастіе не почелъ за

счастіе: и такъ вмѣсто счастія своего знали бы то, что они никакого не имѣютъ счастія. На примѣръ: возмите робкаго, и объявите ему, что судьбою опредѣлено быть ему Генераломъ по совершеніи съ великою опасностію храбрыхъ и чрезвычайныхъ дѣлъ. Онъ задрожитъ и почувствуетъ больше въ себѣ смятенія, произведеннаго сею извѣстностію, нежелибъ когда онъ дѣйствительно обстоятельствами принужденъ былъ отважно поступать предъ лицемъ непріятеля, и можетъ быть привычка принеслабъ ему то удовольствіе, чтобъ онъ въ надлежащее наконецъ время сдѣлался храбрымъ Героемъ. При томъ сіе время его боязливости не почтетъ онъ ни за какое себѣ счастіе; а будетъ думать, что, или онъ вовсе родился въ свѣтъ нещастливымъ, или вообразитъ себѣ, что не все нужное къ свѣденію ему открыто. Такимъ образомъ видѣть можно, что хотя бы по нашимъ прихотямъ одно открыто было намъ добро безъ всякаго примѣшанія къ нему противнаго; однако мы и тогда не только спокойными; но гораздо сдѣлались бы безпокойнѣе, нежели въ семъ обстоятельствѣ положенія, когда мы о томъ ничего незнаемъ. Когдажъ

дол-

должно намъ знать о предбудущей нашей участи? Конечно въ тѣ лѣта, въ которыя рождаются въ насъ лучи разумѣнія, то есть, во время самой цвѣтущей младости. Но не должно позабыть, что лѣта имѣютъ сильное дѣйствіе надъ нашими склонностями, что мы при перемѣнѣ теченія нашей жизни перемѣняемъ наши желанія; то за мало нынѣ почитаемъ, что мы прежде за высоко почитали, и то за велико теперь ставимъ, на что съ презрѣніемъ смотрѣли. Чтожъ съ нашимъ сдѣлаешся спокойствіемъ? Юноша сей съ беспокойствомъ ищетъ удовлетворить своему честолюбію, ему предопредѣленіе извѣстно, что онъ будетъ уѣзднымъ судьею, и то одно составитъ его благополучіе. Боже мой! какое для него пораженіе! онъ ожидалъ по малой мѣрѣ сдѣлаться въ своемъ отечествѣ министромъ перваго класса; но стулъ земскаго судьи составитъ для него счастіе, которымъ послѣ толь великолѣпныхъ сновидѣній долженъ онъ довольствоваться. Онъ не находитъ въ своемъ жребіи, чего ему хотѣлось. Со всѣмъ тѣмъ мы жадничаемъ проникнуть въ завѣсу нашего состоянія, и желаемъ, чтобъ сіи непремѣнно исполнялись желанія. Я всяко-

му оставляю на разсужденіе, будетъ ли сей юноша утѣшаться предузнанною своею долею, или тѣмъ болѣе жаловаться на свою судьбину. Не лучше ли бы для него было, естьлибъ то отъ него до того времени было сокрыто, когда тому случиться надобно? Ибо обстоятельства времени и свѣтскія перемѣны, можетъ быть чрезъ десять лѣтъ высокомѣрныя его мысли столькобъ превратили, чтобъ ему помянутый чинъ весьма понравился. Младая и живая Клелія, которая ничего такъ не желаетъ, какъ быть всегда въ объятіяхъ нѣжнаго и пріятнаго своего любовника, знать хочетъ будущее. Она видитъ въ изступленіи, что не будетъ за возлюбленнымъ своимъ Дамономъ; но сочетаясь бракомъ съ угрюмымъ и довольно пожилымъ мужемъ, праведетъ жизнь свою. Вотъ все ее въ томъ счастіе, и замужество ее было бы не благополучно, есть ли бы непостоянный Дамонъ достигъ до своихъ намѣреній. Однакожъ въ настоящихъ ея разположеніяхъ узная о семъ будетъ она терзаться и почитать себя за нещастливѣйшую особу въ свѣтѣ.

Положимъ также, чтобъ могли предвидѣть мы наше счастіе не зная совсѣмъ о своемъ нещастіи; однако и симъ боль-

большая часть людей не была бы довольна. По тому, что очень мало такихъ, которые благополучными почитаются, когда свѣтскими, а не Философскими на нихъ глазами посмотришь. Всѣ почти по своему воображенію ставятъ счастіе въ великолѣпіи, глаза наши ослѣпляющемъ, въ изобиліи богатства, въ сладострастіи, въ высокомъ званіи и въ не ограниченномъ вещей обладаніи. Однако очень не многіе дѣйствительно достигаютъ до помянутаго благополучія по своему желанію; и такъ малая часть свое счастіе, а большая изъ нихъ въ своей участи бѣдность предузнать можетъ. Слѣдственно предвѣденіе будущаго, относящагося только до пріятныхъ обстоятельствъ, ничего не сдѣлаетъ насъ знающѣе. Сверьхъ того счастіе не состоитъ въ безпрерывномъ теченіи желаемыхъ случаевъ; но наша радость смѣшена бываетъ съ неудовольсвіями. Самые веселые часы имѣютъ всю свою цѣну отъ горестныхъ обстоятельствъ. И естьли человѣкъ оныхъ незнаетъ, (но кто не хочетъ объ нихъ знать, тотъ желаетъ только зрѣть счастливую свою судьбину) то онъ будетъ почитать внѣ порядка вещей за весьма малое или совсѣмъ почти за ничто,

что, что въ цѣлой связи казалось ему великимъ счастіемъ. Однако мы не будемъ въ особливости говорить о тѣхъ способахъ, какъ предузнать сокращенно о своемъ счастіи, ниже о вредѣ, произойти изъ того могущемъ. Изъ сего легко заключить всякъ можетъ, что мы о другомъ родѣ предузнанія совершеннаго о своей судьбѣ во всѣхъ произшествіяхъ говорить станемъ. Средство сіе можно себѣ легко представить, какимъ образомъ звѣздочетцы обманываютъ легковѣрныхъ, обѣщеваю показать, что всякой день каждому приключится, и открыть притчину, для чего оное такимъ образомъ быть можетъ. Сіи притчины разныхъ случаевъ въ нашей жизни зависятъ, или отъ порядка, въ свѣтѣ учрежденнаго, или отъ насъ самихъ, или отъ другихъ людей. Предузнать же будущее жизни состояніе, со всѣми основательными притчинами то же самое значитъ, какъ предузнать, чѣмъ природа или порядокъ міра, чѣмъ мы сами чрезъ свои дѣйствія, поступки и слабости, или чѣмъ посторонніе люди къ возвышенію нашего счастія, или погибели нашей споспѣшествовать будутъ. Такое человѣческое всевѣденіе, осмѣлюсь выговорить, не было ли бы нѣчто превосход-

восходное? симъ бы образомъ избавились мы страха, толико сердце наше возмущающаго, и могли бы на безчисленныя отваживаться предпріятія съ радостію и веселіемъ, которыя нынѣ насъ въ трепетъ приводятъ. Надежда бы наша была вѣрнѣе и пріятнѣе, потому, что мы бы знали цѣль оныя. И всякой бы зная напередъ, какое жизни его предопредѣленіе, лучше бы себя пріуготовилъ къ надлежащей должности и къ роду будущей жизни. Сіи три выгоды могли бы многимъ быть лестною надеждою для желанія, чтобъ познать будущее вещей положеніе, и естьлибъ оныя на твердомъ были основаніи, тобъ ничего не было справедливѣе стремительнаго сего желанія: мы разсмотримъ оное обстоятельнѣе, справедливо ли то, чтобъ нашъ страхъ совсѣмъ изчезъ при познаніи будущихъ въ жизни случаевъ? никакъ. Ибо не одного только счастія ожидать я буду, но и злополучіе при первомъ своемъ явленіи возбудитъ во мнѣ страхъ непреодолимой. Мыбъ страшились болѣе возможныхъ, нежели настоящихъ произшествій, но отъ сего страха теперь избавлены; напротивъ же того мы бы съ стрепетомъ взирали на извѣстное намъ будущее нещастіе. Не превосходнѣе

нѣе ли сей обмѣнъ? Не больше ли меня спознанное мною нещастіе, нежели совсѣмъ не предвидѣнное будетъ мучить? Я предузнаю, что разлучусь съ любезнѣйшей своей супругой, съ моими дѣтьми и пріятелями, и буду заключенъ чрезъ цѣлые три года въ темницѣ: не возчувствую ли я трепетанія въ своемъ сердцѣ, представляя себѣ сіе заключеніе гораздо прежде, нежели оному сдѣлался я подверженъ? а при томъ еще извѣстно мнѣ мое нещастіе въ своемъ порядкѣ со всѣми обстоятельствами. Такимъ образомъ буду я знать, что въ сію темницу ввергнутъ буду, или по недовѣдомымъ судьбамъ Божіяго провидѣнія, или нерадѣніе или чистосердечіе мое въ томъ будетъ причиною, или другой кто готовитъ мнѣ сіе паденіе. Сколь много оное меня терзаетъ? Я лишенъ всей надежды къ избѣжанію моего нещастія: хотя желаніе мое неусыпно печется, чтобъ сіе удалить отъ тебя бѣдствіе, оное желаніе стремится быть удовольствовано; однако учинить сего невозможно. Съ какими отчаянными жалобами не буду я роптать на небо. И какъ я себя жестоко укорять буду, сдѣлавшись самъ причиною своего нещастія? ежелижъ не отъ меня оно

про-

произойдетъ, то какихъ я не предпрїиму враждебныхъ дѣйствiй противу тѣхъ, которые оное мнѣ воспричинствуютъ! всѣ сiи воображенiя неизтребятъ ли моего спокойствiя, которымъ бы я наслаждался, естьлибъ не предвидѣлъ своего будущаго нещастiя? не наполняшъ ли онѣ горестiю всѣ удовольствiя, и веселости, для моего служащiя наслажденiя до того времени, когда никакого не видно нещастiя? но справедливъ ли тотъ въ своемъ мнѣнiи, скажутъ мнѣ въ отвѣтъ, кто смотритъ на всякую вещь съ одной только худой стороны? Вообрази себѣ, что когда страхъ увеличивается чрезъ спознанное мною нещастiе; то напротивъ того надежда тѣмъ больше должна укрѣпляться извѣстнымъ и скоронаступающимъ счастiемъ. Сiе одного отъ другаго не легко сдѣлать отдѣленiе; ибо ежели сравнить счастiе съ нещастiемъ, или такъ сказать, взвѣсить ихъ между собою, то должно неотмѣнно найти межъ тѣмъ и другимъ нѣкоторую сразмѣрность: положимъ, что мое нещастiе можетъ произойти отъ потерянiя добраго имени; а счастiе чрезъ то самое мною прiобрѣтенное будетъ состоять изъ того, что я обладать буду великимъ богатствомъ.

Сiи

Сіи два противоположенія не могутъ никакъ между собою быть уравновѣшены, когда смотря на человѣка и его природныя свойства судишь о добрѣ, которое ограничивается его предразсужденіями и сложеніемъ. Ибо сила, съ которой и то и другое дѣйствовать можетъ, одно чрезъ страхъ; а другое чрезъ надежду, не такъ состоитъ въ нихъ самихъ, какъ въ сердечномъ расположеніи и въ рожденномъ великимъ или малымъ желаніи къ достиженію чести или богатства. Естьли произведенъ я природою честолюбивымъ, и о томъ напередъ знаю, что по прошествіи двухъ лѣтъ со всею моею славою буду я у всѣхъ посмѣяніемъ; а при томъ послѣ или прежде сего буду наслѣдникомъ великаго богатства; то сіе ожиданіе въ разсужденіи тѣхъ впечатлѣній, которыя причинятъ страхъ будущаго безславія, слабое во мнѣ прозведетъ дѣйствіе. И ежели я захочу между собою сравнить также оныхъ спутниковъ, то есть страхъ съ надеждою, то примѣчу, что они основаніемъ должны имѣть единообразное во мнѣ побужденіе. Такимъ образомъ побужденіе къ чести и отвращенію отъ себя всякаго посрамленія, не сами по себѣ, но въ разсужденіи нашего сложенія между собою разнствуютъ. По чему должно

жно намъ принять честь и безчестіе, богатство и убожество, радость и сѣтованіе, ежели мы хотимъ положить сравненіе между великостію страха и надѣянія. Но наша судьбина не такимъ образомъ производитъ свои дѣйствія. Кто будучи честолюбивъ страшится безславія, тотъ завсегда свою честь возвратить надѣется: также, кто, будучи скупъ, свое теряетъ имѣніе, тотъ не всегда имѣетъ надежду вновь нажить оное; и такъ очень рѣдко случиться можетъ, чтобъ удовольствіе, посредствомъ ожиданія извѣстнаго счастія, которое я предвижу, такъ далеко простиралось, какъ много съ другой стороны возросъ страхъ отъ неминуемаго нещастія. Откудужъ и почему я знаю, какъ долго жизнь моя во удовольствіяхъ, составляющихъ мое желаніе, протекать будетъ? Какъ я пожелаю знать, естьли оная заключать будетъ въ себѣ очень мало счастія, а гораздо больше бѣдствій? Такую жизнь предвидя долженъ я быть въ отчаянномъ страхѣ, извѣстенъ въ самое то время будучи о совершенной моей участи. О коль блаженнымъ я чту себя, что Создатель сіе отъ меня сокрылъ таинство! однако чрезмѣрнымъ бы то было для меня, скажешь,

удовольствіемъ, естьли бы я за десять лѣтъ о предтекущемъ моемъ счастіи совершенное имѣлъ въ своемъ сердцѣ увѣреніе! Я бы, на примѣръ, предвидѣлъ, что всякой любви достойную, разумную, молодую, и вѣрную жену получу себѣ въ супружество! какъ же скоро и съ какимъ веселіемъ протекутъ оные годы, я очень въ томъ сумнѣваюсь. Моя надежда была бы мнѣ бременемъ, по тому, чтобъ я не могъ оную скоро удовольствовать. И какъ нещастіе всегда къ намъ прежде времени приходитъ, такъ и счастіе, хотябъ то было и благовременно, однако кажется, что оно поздно начинаетъ намъ доброжелательствовать. Я навѣрно полагаю, что тотъ былъ бы правъ въ своемъ мнѣніи, которой бы доказалъ, что удовольствіе отъ настоящаго предвѣдѣнія суетнаго нашего счастія гораздо бы уменьшилось, а по крайнѣй мѣрѣ у большой части людей. Счастіе, какъ мы ево себѣ воображаемъ, и какъ естественно желаемъ онаго и надѣемся, особливо кажется большимъ, нежели, которое мы въ самомъ дѣлѣ получаемъ; и можно сказать, что предѣлы нашихъ чаяній суть наши желанія. Сколь они обширны, и сколь не ограниченны! естьли мы предвидимъ грядущее наше

счастіе,

счастіе, то уже больше не въ нашей состоитъ волѣ, къ какому предмету, и коликое намъ простирать желаніе. Новая наша надежда управляема въ то время будетъ необходимостію нашей судьбины. Естьли счастіе наше мало, или такимъ кажется въ разсужденіи нашихъ желаній: то и пріятность надежды сдѣлается отъ того менѣе, нежели каковабъ была она въ глубокомъ невѣденіи предтекущаго жизни нашей времени. Не будемъ же смотрѣть болѣе на надежду, какъ на нѣкоторое преддверіе къ удовольствіямъ, произойти имѣющимъ отъ нашего благополучія; а лучше станемъ разсматривать, не лишаемъ ли мы сами себя какихъ увеселеній, составляющихъ дѣйствительное наше счастіе, когда мы знаемъ объ ономъ прежде времени? Непремѣнно, по моему мнѣнію, лишаемъ. Есть извѣстной нѣкоторой страхъ, которой въ разсужденіи нашихъ увеселеній такое же точно производитъ дѣйствіе, какое зелія и пряности въ разсужденіи пищи. Оный, то есть страхъ, дѣлаетъ, что мы съ большею пріятностію свое удовольствіе чувствуемъ. Для чего душу мою часто восхищаетъ счастіе, которымъ я наслаждаюся? По тому непремѣнно, что я преоборолъ боязливо сомнѣ-

ніе въ достиженіи онаго. Я бы не такъ сильно ощущалъ свое благополучіе, естьли бы страхъ моей чувствительности не привелъ, такъ сказать, въ полное движеніе. Сіе самое не можетъ случиться, когда мы предузнаемъ наше счастіе. Сверьхъ того и то извѣстно, что не ожидаемое благо болѣе возбуждаетъ въ насъ радости, нежели преждевременно нами предвидѣнное, особливо, когда обстоятельства и того и другаго между собою сходствуютъ. Наконецъ предвидя теченіе будущихъ счастливыхъ случаевъ, стали бы мы заключать, что во всемъ томъ по большой части мы не самимъ себѣ, не своимъ способностямъ, ниже своему достоинству и заслугамъ; но часто одному слѣпому случаю, и постороннимъ людямъ обязаны благодарностію. Такимъ образомъ совсѣмъ бы пропало то великое удовольствіе нашей суетности, съ которымъ мы въ настоящихъ нашей жизни обстоятельствахъ всѣ счастливыя въ оной произшествія приписываемъ своимъ особливо заслугамъ, хотя и безъ основанія. Но хотя это будетъ заблужденіе; однако самое сіе заблужденіе насъ увеселяетъ, когда мы почитаемъ ево за истинну. Еще ли мы желаемъ проникнуть въ

сокро-

сокровенность будущей своей судьбины? Остается еще одно возраженіе. Естьли бы мнѣ извѣстно было, какое обо мнѣ будетъ Небесъ опредѣленіе; то я бы могъ имѣть попеченіе, какъ наилучшимъ образомъ предуготовить себя къ роду своея жизни. Я сіе почитаю заблужденіемъ; и сколь много можно сыскать на то доказательствъ! но я лишь здѣсь одного коснусь. Ежели я по своимъ природнымъ склонностямъ къ тому состоянію жизни, въ которомъ заключается благоденствіе мое, имѣю отвращеніе, то тѣмъ менѣе къ оному буду располагаться; по тому что мнѣ совершенно извѣстно мое счастіе. Сколькожъ чрезъ то я теряю своего спокойствія, а притомъ безъ всякихъ своихъ заслугъ достигну я того, къ чему предопредѣленъ судьбою? Когда я по склонности моей къ такому предъизбранъ состоянію, то я къ нему себя пріуготовлю, хотябъ любопытное мое око не проницало въ порядокъ, судьбою положенной. И такъ къ чему служитъ предвѣденіе оныя моей участи? по сіе время мы только разсматривали, чтобы со всякимъ изъ насъ порознь произойти могло, естьли бы свѣдомо намъ было будущее: однако не должны мы

представлять самихъ себя какбы частьми отдѣленными; но надлежитъ также смотрѣть, что бы въ цѣломъ, то есть: во всей пространности міра и въ союзѣ вещей произойти могло, естьлибъ всякъ зналъ о томъ, что съ нимъ впредь случится. Что до меня касается, я бы первой не могъ жить въ свѣтѣ, естьли бы люди, будучи при полномъ ихъ произволеніи, спознавали прежде времени о своей долѣ. Все бы должно предстать въ новомъ видѣ, нежели въ какомъ оное при нашемъ теперешнемъ незнаніи находится. Одного дѣйствіе человѣка часто имѣетъ втеченіе въ благополучіе многоразличнаго народа. Пружины нашихъ дѣйствій суть страхъ и надежда. Естьли оныя перемѣняются, или совсѣмъ бываютъ уничтожены то и наши предпріятія подвержены будутъ перемѣнѣ или конечному уничтоженію; но страхъ и надежда наша сдѣлались бы перемѣнны, когдабъ мы напередъ знали все съ нами произойти имѣющее; а по тому и дѣйствія, какъ отъ нашей свободы зависящія, въ другомъ также были бы положеніи, естьлибъ мы предвидѣли оныхъ слѣдствія. Послалъ ли бы Филиппъ свой непобѣдимой флотъ, естьлибъ напередъ зналъ

то,

то, что послѣ увидѣлъ? невѣроятно. И такъ всѣ тѣ люди, которые на семъ флотѣ погибли, сдѣлались бѣдными, или чрезъ сей случай основали счастіе, совсѣмъ бы отмѣнную отъ постигшей ихъ имѣли судьбу, естьлибъ Филиппъ предвидѣлъ конецъ своихъ намѣреній. И по сему можно судить, сколько бы всѣ произшествія въ свѣтѣ перемѣнились, естьлибъ всякой могъ разполагать свои намѣренія по ихъ слѣдствіямъ. Но пускай все въ другомъ будетъ порядкѣ, скажутъ мнѣ въ возраженіе: однако безчисленныхъ бы золъ, зависящихъ отъ человѣческаго произволенія избѣгнуть можно было, естьли бы мы проникали въ будущее и предвидѣли теченіе всѣхъ дѣйствій. Коль сіе сумнительно! Когда бы мы будучи снабдены предвѣденіемъ, тѣжъ имѣли страсти и склонности, какія и теперь имѣемъ; то бы еще довольно въ свѣтѣ осталось злости и глупостей. И когда бы мы одного зла избѣжали, чтобъ вмѣсто того другое сдѣлали. Я въ томъ согласенъ, чтобъ мы избѣгли пороковъ, наказанія въ себѣ самихъ имѣющихъ; но избѣжали либъ другихъ погрѣшностей? и въ первомъ случаѣ, чтобы возпослѣдовало съ свободою нашей и добродѣтелію? Піянство есть

по-

порокъ, которой во многихъ самъ себя наказываетъ. По тому, есть ли бы Стрефонъ предусмотрѣлъ съ нимъ случиться имѣющее, который чрезъ излишнее питіе за десять лѣтъ ранѣе себя повергнетъ въ могилу, то можетъ быть отъ тогобъ и воздержался, а потому одного бы зла и не былобъ ужъ въ свѣтѣ. Очень хорошо: но ненарушитъли то свободы и добродѣтели? Не должно ли воображеніе мнѣ представить, что я преждевременно отъ піянства умру, и съ такоюжъ противъ меня дѣйствовать силою, какъ бы человѣкъ, и мѣющій въ рукахъ мечь обнаженной, насильно меня отъ того, чегобъ я избѣжать могъ и безъ всякаго препятствія? Что бы то было, насиліе, или свободность? Сверьхъ того мы видимъ, что горькіе пьяницы многіе, хотя чрезвычайно живутъ распустно, самой глубокой достигаютъ старости, а при томъ и внѣшную жизнь имѣютъ счастливую. И такъ, чтобъ такихъ удержать могло отъ ихъ пороковъ? Какого бы непричинило намъ нещастія одна та извѣстность, когда мы, и какъ умереть должны? Приключенія худыя и добрыя будучи необходимо нужными, какіябъ оставили по себѣ слѣдствія, естьли бы оныя всегда

соединены были съ обстоятельствами нашей жизни? Здѣсь бы цѣлыя сѣмьи оплакивали горестно предѣидущее нещастіе; а тамъ бы пьяницы, ожидая скоро для себя щастія, внѣ себя отъ радости безумствовали. Никто бы уже не захотѣлъ трудиться, и никто бы не старался о своей пользѣ. Сколь бы часто мы лишали сами себя или другихъ жизни изъ одного только подозрѣнія? Отецъ умерщвлялъ бы своего сына еще въ колыбѣли для того, чтобы не видѣть его въ тритцать лѣтъ умирающаго на висилицѣ. Сего дня изтребили бы мы отъ лица живыхъ своего пріятеля, вознамѣрившагося завтра лишить насъ нашего достоянія; а въ слѣдующее, можетъ быть, утро другіе отмщевая за то намъ, или бы мы пришедши въ раскаяніе сами себя лишили жизни. Однимъ словомъ, свѣтъ бы не могъ долго существовать, естьлибъ мы предвидѣли всѣ обстоятельства нашей жизни. Многіе бы въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ умирали отъ печали и огорченія; или какъ отягченные глубокимъ сномъ влачили бы жизнь безъ всякаго страха и раченія. Въ теперишнемъ нашемъ состояніи ласкаемъ мы себя надеждою, что скоро сницемъ свое благополучіе; и та-

кимъ образомъ нечувствительно дни наши протекаютъ. Мы страшимся нынѣ не извѣстныхъ для насъ бѣдствій, и по тому всегда еще возможность имѣемъ и силу отъ себя отвратить оныя. Естьлибъ люди, предвидѣвши напередъ свою участь, безразсудно о томъ другъ другу открывали; Боже мой! сколькобъ изъ того произошло зависти и съ нею вмѣстѣ великихъ бѣдствій? Чтобъ предприялъ Цезарь, естьли бы онъ предвидѣлъ, что онъ посредѣ Сената умерщвленъ будетъ? Показалъ ли бы Цицеронъ толико добродѣтелей, и былъ ли бы со славою одинъ разъ Консуломъ, не взирая на его честолюбіе, естьли бы напередъ зналъ, что въ награжденіе за всю его къ своему отечеству ревность пріиметъ онъ смерть насильственную? Ктобы подумалъ употребить стараніе къ пріобрѣтенію счастія, естьли бы онъ напередъ узналъ, что всѣ усилія его и неудобства чрезъ многія лѣта, постоянно имъ превозмогаемыя, тщетны и безъ всякаго плода останутся? Кто бы похотѣлъ великое и славное предпринять дѣло, естьли бы чрезъ достовѣрность своей судьбы увидѣлъ, что никакой нѣтъ ему надежды получить за то награжденіе? Ктобы въ неизбѣжныхъ нещастіяхъ полагалъ на

на Бога упованіе, и къ Нему взывалъ о помощи? Кто бы въ неизмѣняемомъ благоденствіи хранилъ умѣренность и благодарной духъ къ Всевышнему промыслу, а къ подобнымъ себѣ благопріятенъ былъ и снисходителенъ? Не были либъ чрезъ обстоятельное предвѣденіе добродѣтель и богопочитаніе конечному почти подвержены изтребленію? Кратко сказать, что люди какимъ бы образомъ ни пожелали знать о предбудущей своей судьбинѣ со всѣми ея обстоятельствами; всегда будутъ имѣть въ желаніяхъ своихъ нѣчто противорѣчущее. Желаетъ ли человѣкъ будущіе узнать случаи; но какъ скоро ихъ знаетъ, то уже они перестаютъ быть такими, ежели притомъ во всей онъ полности сохраняетъ въ себѣ страсти и склонности, и совершенное имѣетъ произволеніе, природу его составляющее; о чемъ можно сказать, что онъ желаетъ такихъ слѣдствій, которыя быть не могутъ. Какое противорѣчіе! или хочетъ, чтобъ тѣ случаи могли послѣдовать, то тѣмъ самимъ желаетъ онъ, чтобъ настоящее натуры положеніе, или воля его была изпровергнута; а сіе самое значитъ, что онъ въ одно время желаетъ быть и не быть человѣкомъ. Вотъ сколько есть про-

противословно и безразсудно любопытное желаніе предвидѣть обстоятельно будущій свой жребій! Положимъ, чтобъ и того не было; однако навсегда сіе желаніе останется весьма гибельнымъ, которое человѣкъ самъ противъ себя воспринять можетъ. Положимъ, что и свѣтъ порядокъ свой соблюдетъ, и человѣческая натура не премѣнится; то въ какой адъ свѣтъ преобратится, и какое ужасное счастіе въ свѣтѣ быть человѣкомъ! Естьли бы нашлись люди, имѣющіе даръ такого откровенія, которое бы мнѣ предсказать могли о будущей моей судьбѣ; то я бы просилъ и заклиналъ ихъ сокрыть отъ меня нещастное оное таинство. Моровое повѣтріе, гладъ и война великія суть для смертныхъ пораженія; но звѣздочетцы, естьли бы въ самомъ дѣлѣ были оные, звѣздочетцы, говорю, несравненно бы злѣйшее причинили бѣдствіе человѣческому роду.

